

Мас. 1028₁₁

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. с. 1-12

Наслѣдіе минувшаго года въ литературѣ. — «Мужики» г. Чехова и «Инвалиды» г. Чирикова. — Несправедливое отношеніе народнической критики къ произведенію г. Чирикова. — Полное собраніе сочиненій г. Златовратскаго. — Мягкій и любовный тонъ его отношенія къ народу. — Невѣрное освѣщеніе деревни и ея идеализація. — «Золотыя сердца», «Устои», «Деревенскіе будни». — Значеніе г. Златовратскаго. — Стихотворенія П. Я.

Тускло, хотя и не безъ шума прошелъ минувшій годъ въ литературѣ и «малое наслѣдство оставилъ по себѣ». Ни въ области мысли, ни жизни оно не остановитъ особливаго вниманія будущаго историка. Были, правда, нѣсколько произведеній, которыя сосредоточили на время общее вниманіе, но не столько сами по себѣ, сколько связанными съ ними вопросами. Прежде всего, конечно, вспоминаются «Мужики» г. Чехова, вызвавшія какъ неумѣренное гоненіе, такъ и непомѣрную хвалу. Автора сравнивали чуть не съ Шекспиромъ и Тургеневымъ, увѣряли, что если «Мужики» не привлекутъ вниманія къ деревнѣ, какъ въ свое время «Записки охотника», значитъ, оскудѣло и очерствѣло сердце читателя. Другіе отказывали въ какомъ бы-то ни было значеніи «Мужикамъ», признавая за «суздальскую» мазню, за архитенденціозную вещь, нарочито мрачную, одностороннюю, невѣрную, грубую, и проч. и проч. Какъ помнятъ наши читатели, мы заняли середину между этими крайними мнѣніями, и теперь не можемъ взять ни одного слова назадъ изъ нашего отзыва тогда. Поэтому, не останавливаясь, перейдемъ къ «Инвалидамъ» г. Чирикова, которымъ досталось еще больше отъ народнической критики всѣхъ отгѣнковъ.

Самъ по себѣ рассказъ г. Чирикова недостаточно художественъ, какъ вообще бываетъ съ произведеніями, въ которыхъ авторъ стремится отразить то, что въ самой жизни еще только «на ходу». Положительныя стороны рассказа слабы, да и не въ нихъ, правду говоря, его значеніе. Но отрицательныя типы, «инвалиды», какъ смѣло позволилъ себѣ авторъ окрестить представителей вымирающаго направленія, очерчены имъ, не безъ извѣстной живости. Если бы это было не такъ, еслибы его инвалиды не имѣли ни одной живой черточки, и авторъ ограничился бы чисто вѣшнимъ описаніемъ ихъ, то, право, народническая критика не была бы такъ пристрастна. Но, сквозь брань, всякія ругательства, подчасъ совсѣмъ нелитературнаго свойства («лакей»), сыпавшіяся по адресу автора, вы слышите горькую ноту. Чувствуется, что люди, что называется, до глубины души задѣты, и это вполне понятно.

Крюкова, — такъ называется герой рассказа, — мы застаемъ въ повѣсти уже вполне сложившимся, оформившимся человекомъ. Онъ — чистѣйшій идеалистъ, съ юности витавшій въ чистой сферѣ высокихъ мыслей, пострадавшій въ свое время за непониманіе непрактичности, неприложимости къ жизни своихъ прекрасныхъ мыслей о служеніи народу, объ «отданіи ему долга» и т. п. Въ

личной жизни человекъ отъ всего отрѣшившійся, почти аскетъ, онъ стоекъ до конца въ вопросахъ общественнаго долга и морали, хотя подчасъ и своеобразно имъ понимаемыхъ. Но практически онъ мало способенъ, мало дѣятеленъ. Немного писатель, но безъ выдающагося таланта, онъ занимается корректурой, какъ средствомъ существованія, и живетъ, какъ жилъ и всегда, въ мірѣ отвлеченности, несбыточныхъ грезъ. Самъ голубиной чистоты, онъ возмущается, встрѣтивъ стараго товарища доктора, который успешной практикой зарабатываетъ тысячи и проживаетъ ихъ въ то время, когда народъ и проч. Во всей обрисовкѣ Крюкова вы не видите ничего нарочито присочиненнаго для его осмѣянія, загрязненія или оплеванія. Симпатіи автора къ своему герою проглядываютъ на каждомъ шагу. Такъ, напр., въ сценѣ университетскаго праздника, когда мѣстная интеллигенція пьянствуетъ «за идею», Крюковъ, единственное лицо, которое привлекаетъ читателя. И если вслѣдъ затѣмъ происходитъ его смѣшное столкновеніе съ студентомъ, противникомъ народничества, то и здѣсь симпатіи автора на сторонѣ Крюкова, котораго болѣзнь, раздраженіе, вызванное шумнымъ и пьянымъ торжествомъ, доводягъ до нелѣпаго взрыва. И развѣ злоба и ненависть диктуютъ автору письмо, которое Крюковъ посылаетъ своему противнику? Въ виду тѣхъ нелѣпостей и крайне несправедливыхъ обвиненій, которыя распространяются по адресу автора, приводимъ это письмо цѣликомъ, какъ очень характерное и само по себѣ, и для обрисовки «инвалида».

«Удаляясь со сцены жизни, я хочу вамъ, господинъ Игнатовичъ, сказать нѣсколько словъ на прощанье. Безъ злобы, безъ всякой неприязни къ вамъ, я скажу вамъ это послѣднее слово. Да, хотя мы съ вами и разстались врагами, но вѣдь это была ошибка, ужасная ошибка!.. Въ сущности, мы друзья, въ ослѣпленіи не узнающіе другъ друга. Вѣдь, смѣшно, мой хорошій, честный юноша, еще самому себѣ создавать враговъ изъ людей, съ которыми связанъ общимъ интересомъ, общей задачей жизни—послужить, по мѣрѣ силъ своихъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Я хочу вамъ сказать еще, юноша, что вы были жестоки и безсердечны ко мнѣ, старику... Пусть я—психопатъ, никуда негодный человекъ, инвалидъ, смѣшной на вашъ взглядъ и окончательно бесполезный... Но вѣдь я отдалъ всю свою жизнь, съ ея юностью, молодостью, съ ея житейскими радостями и благополучіемъ, на служеніе идѣй, которая дѣлаетъ насъ братьями... Пусть все мое прошлое—одна сплошная ошибка, миражъ въ вашихъ глазахъ, но вѣдь для меня-то это прошлое все, чѣмъ я жилъ и чѣмъ былъ живъ... Вы еще молоды, и Богъ вѣсть, что выйдетъ въ будущемъ, когда ваша голова станетъ сѣдой и лысой, какъ у меня... Быть можетъ, на смѣну вамъ придутъ новые люди, которые признаютъ ваши взгляды и вашу дѣятельность тоже ошибкой... Какъ все это знать? Надо все это принимать во вниманіе... Я, дѣйствительно, больной и исковерканный человекъ, но неужели я былъ достоинъ такого оскорбленія? Я вамъ и самъ скажу: да, я боленъ, боленъ и нравственно, и физически никуда негоденъ... Вы меня оскорбили и этимъ оскорбленіемъ только напомнили мнѣ о томъ, что я зналъ и о чемъ давно думалъ, а именно о томъ, что моя пѣсенка спѣта и больше мнѣ нечего дѣлать. Именно нечего дѣлать. И моимъ послѣднимъ дѣломъ я считаю послѣдній братскій, товарищескій совѣтъ вамъ, совѣтъ искренняго друга: не будьте жестоки къ людямъ!.. Исправляйте ошибки, но исправляйте ихъ осторожно, щадя человека; не думайте, что это легко и просто»...

Гдѣ же здѣсь злобствующая критика узрѣла насмѣшку, оплеваніе, оклеветаніе?

Могутъ замѣтить, что авторъ сочинилъ своего Крюкова. Такихъ не было и нѣтъ. Къ сожалѣнію, мы должны подтвердить, что всякому, кому довелось жить въ нашей провинціи, это хорошо знакомый типъ.—типъ человека, разбитаго унылаго и больного, чистаго и прекраснодушнаго, но часто неспособнаго къ живой дѣятельности.

Допускаемъ, что г. Чириковъ поступилъ безъ необходимой осторожности, безъ достаточного «піетета»,—ибо и инвалидамъ надлежитъ піететь. Въдь, и они когда-то выходили гордые, смѣлые, крыленные лучшими надеждами, несли на алтарь идеи чистѣйшую дань—юношескій жаръ сердца, беззавѣтную преданность, вѣру, могущую горами двигать. Они, безразсчетные, ни въ чемъ середины не знавшіе, подняли на плечи тягу не по силамъ, и она ихъ сломила. Теперь, они вызываютъ сочувствіе къ себѣ и много горечи по адресу тѣхъ жизненныхъ условій, которыя ихъ сдѣлали такими. Мы готовы отдать имъ полную дань уваженія. Они сыграли свою роль, но память по себѣ они оставили хорошую, которою не всякій можетъ гордиться. Это недостаточно отбѣнено въ повѣсти г. Чирикова, написанной безъ нюансовъ, слишкомъ однотонно и потому не вполне ясно. Но отсюда еще далеко до тѣхъ обвиненій, о которыхъ мы упомянули выше. На одно изъ нихъ жизнь уже дала отвѣтъ, и строгій критикъ можетъ быть удовлетворенъ вполне...

За исключеніемъ этихъ двухъ произведеній, послужившихъ, по крайней мѣрѣ, предметомъ шумныхъ споровъ, не знаемъ, что еще можно отмѣтить? Выдвинулся было вопросъ о конвенціи, но о немъ поговорили какъ-то вяло и безъ достаточнаго интереса. Большинство литераторовъ, коснувшихся этого вопроса, высказались противъ, наговорили достаточно пылкихъ фразъ о безкорыстїи, о просвѣщенїи, о высокихъ задачахъ литературы, какъ будто конвенція грозитъ существованію послѣдней, а не наоборотъ—не защищаетъ ее. Но въ нашей литературѣ установились нѣкоторые жупелы, и прикасаться къ нимъ нельзя. Они—табу для всякаго непосвященнаго, кто желаетъ сохранить свой престижъ въ глазахъ жрецовъ отъ литературы. Къ числу такихъ табу принадлежитъ и безданное пользованіе произведеніями чужой, иностранной, литературы. Свой взглядъ мы уже высказали по этому вопросу и повторяться не станемъ, а наши противники не высказали ничего, на что въ своемъ разсмотрѣніи вопроса конвенціи мы не возразили бы.

Ничтожны итоги минувшаго года въ литературѣ, хотя самъ по себѣ годъ былъ далеко не ничтоженъ, не значить-ли это, что все уже и уже становится кругъ доступнаго для литературы?

Къ добру или худу?—мудрый Эдипъ, разрѣши.

«Я рѣшительно не вѣрилъ глазамъ: мнѣ казалось, что кругомъ меня декорации, и въ эти декорации волшебною рукою загнаны заколдованные принцы, спящія царевны, золотокудрые пейзажи и пейзажики»...

Такими словами характеризуетъ свое впечатлѣніе отъ разговора съ ямщикомъ одно лицо у г. Златовратскаго въ разсказѣ «Барская дочь». И мы не находимъ лучшей характеристики для всѣхъ произведеній этого автора, собранныхъ имъ въ трехъ увѣсистыхъ томахъ двухстолбцовой печати. Предъ нами не жизнь, не деревня, не городъ, не люди, а декорации расписанные самоучкой живописцемъ, припущено въ нихъ, сколько влѣзло, сусального золота, яри-мѣданки и киновари, и въ нихъ «загнаны» всякія рѣдкостныя дива. Тутъ «золотокудрые пейзажи и пейзажики», благочестивые Пиманы, сладкоглаголивые Минаи и Мины; рядомъ косноязычные Башкировы, «золотыя сердца», восторженные дѣвицы, малорѣчивыя, прерывающія свою не мудрую рѣчь многочисленными многоточіями; «мечтатели» всѣхъ сортовъ и видовъ, «заводскіе хлопцы», «вольные старцы» и прочій людъ безподобный, и среди нихъ сладко улыбающаяся, добродушная фізіономія почтеннаго автора, сразу подкупающая своимъ благодушїемъ, мягкостью тона разсказа и мечтательностью

Открывая первый томъ, вы сразу натываетесь на премилые очерки «Разсказы заводскаго хлопца»,—замѣтите—«хлопца», а не просто мальчика или <...>

А. Б.

< А. И. Богдановичъ >